

М.Ф. Альбедиль

КУЛЬТ ТАЛЕДЖУ БХАВАНИ И ЖИВАЯ БОГИНЯ В НЕПАЛЕ: ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Настоящая статья посвящена непальской богине Таледжу Бхавани, которую почитали как хранительницу королевского трона и страны. По всей вероятности, ее культ был принесен из Индии и утвердился в Непале в средние века. Этот культ тесно связан с культом живой богини Кумари, расценивавшейся как воплощение Таледжу. Можно предположить, что в культах Таледжу и Кумари законсервировались представления об особенностях архаической структуры власти, сохранявшихся в традиционных обществах, к числу которых до недавнего времени относился и Непал.

Ключевые слова: Непал, Таледжу, Кумари, легенды, сакральная власть, ритуал.

Margarita F. Albedil

THE CULT OF TALEJU BHAWANI AND THE LIVING GODDESS IN NEPAL: A FEMALE FACE OF SUPREME POWER

The present article deals with the Nepalese goddess Taleju Bhawani who was revered as the guardian of the royal throne and the country. Perhaps, her cult was brought from India and established in Nepal during the Middle Ages. This cult is closely associated with the cult of the living goddess Kumari, regarded as an incarnation of Taleju. We can assume that the cults of Taleju and Kumari preserved certain elements of the traditional notions of the archaic power structures peculiar to the traditional societies, among which Nepal was until recently.

Key words: Nepal, Taleju, Kumari, legends, sacral power, ritual

В обширном эклектичном индуистском пантеоне Непала есть один интригующий женский образ. Никто не знает, как выглядит эта богиня, хотя она считается одной из главных в Долине Катманду. Все, что с ней связано, таинственно и сокрыто, факты ее «биографии» не всегда достоверны и систематизированы. Ни один художник или скульптор не запечатлел ее облика ни в красках, ни в камне, ни в металле. Насколько известно, ее не воспевали в стихах или в прозе, не описывали в священных текстах и не упоминали в светских книгах. В отличие от других непальских богинь она не имеет супруга и потому не является ничьим энергетическим началом — *шакти*. Если другие богини нередко входят в группы из трех, пяти, семи или восьми персонажей, то эта богиня не объединяется ни с кем: она всегда одна.

Бестелесная богиня отстранена и от повседневной жизни людей. Простые смертные не обращаются к ней с молитвами, не поют в ее честь гимнов, не устраивают для нее жертвоприношения *пуджи* или другие ритуалы. Ее культ носит закрытый, даже секретный характер. Возможно, это объясняется тем, что главным приверженцем богини на протяжении нескольких веков считался король, правитель государства, а она была королевским родовым божеством *иштадевата* и главной духовной покровительницей трона и страны. Вероятно, по этой же причине богиня известна только в Долине Катманду; это городской, точнее — столичный культ. Имя этой таинственной богини — Таледжу Бхавани. Есть и другие варианты ее имени: Туладжа, Турджа, Тулдза, Тула [Amatya 1998 49–53].

Из-за закрытого характера культа Таледжу он слабо изучен [Ледков 1999: 392]. Доступные сведения о богине чаще носят легендарно-мифологический, чем достоверно-исторический характер. Согласно одной из легенд, которая представляет собой парафраз индийского эпоса «Рамаяна», Таледжу некогда была главным божеством Амарapura, столицы богов. Но злокозненный демон Равана победил царя богов Индру, похитил богиню в виде янтры, мистического символа, и унес на остров Шри-Ланку. Однако Рама поборол Равану, спас Таледжу, доставил золотой ларец с янтрой в город Айодхью, столицу легендарного царства Кошала, и спрятал в водах реки. Так богиня стала семейным божеством местных правителей. В Непале считают, что Рама

сделал это тайно, и потому данный сюжет никак не отразился в канонической «Рамаяне» [Amatya 1998: 50].

Тем временем Харисинхадеве, одному из владык Айодхьи, пришлось спастись бегством от мусульманского нашествия. Именно богиня Таледжу, явившись ему во сне, посоветовала бежать из Индии. Он так и сделал, в конце концов прибыв в непальское княжество Бхадгаон (ныне Бхактапур), которое издавна было важнейшим центром индуизма в Непальской долине [Wright 1977: 105–106]. На основании этой легенды считают, что культ Таледжу утвердился в Непале в результате завоевания страны Харисинхадевой.

Есть и другая версия, иначе объясняющая появление Харисинхадевы в Непале и не связывающая его имя с Таледжу: будто бы он отправился туда по указанию своего духовного наставника Камешвара. Потерпев поражение в битве с мусульманами, Харисинхадева пришел к Камешвару и спросил, где в это время бедствий можно сохранить истинную *санатана дхарму* (индуизм), где найти надежное убежище для брахманов и священных коров. Наставник будто бы молча указал рукой на север, и поэтому Харисинхадева вместе со своими приближенными отправился в Непал [Wright 1977: 75].

Несмотря на легендарный характер приведенных сведений, связь Харисинхадевы и культа Таледжу в Непале подтверждают и материалы хроники Непаликабхупавамшавали. В ней говорится, что этот король принес с собой культ Таледжу и установил святилище богини на главном дворе дворца Мула Чока в Бхактапуре [History of the Kings 2015: 71]. Храм, посвященный этой богине в Бхактапуре, в середине XIX в. успел запечатлеть на своей акварели Г.Ф. Олدفилд [Там же: 87]. Имя Харисинхадевы встречается и в эпиграфике; приводится и дата его переселения в Долину Катманду: 1323 г. [Regmi 1952: 150].

Легенды связывают имя Таледжу и с предком Харисинхадевы, правителем южноиндийского княжества Карнатак Наньядевой. Потеряв власть, он скитался в северных лесах в предгорьях Гималаев. Ему также во сне явилась богиня и указала место в лесу, где под священным камнем находился необычный меч. Этим мечом принц должен был убить змея и основать княжество и новую столицу. Так будто бы и был основан город Симроун Гарх, столица княжества на юге современного Непала, в тераях [Ледков, Лунев 2011: 358–359].

По другому преданию, явившаяся во сне Таледжу приказала принести ей в жертву первое животное, которое Наньядева и его спутники встретят в Непале. Таким животным будто бы оказался дикий буйвол, и с тех пор *невары*, которые считаются автохтонным населением Долины Катманду, ежегодно приносят в жертву Таледжу убитых буйволов. Кстати, и само слово *невары* иногда возводят к индийским *наярм*: так назывались спутники Наньядевы [Regmi 1960: 129]. Как бы то ни было, можно допустить, что культ Таледжу утвердился в Непале и впитал здесь в себя местные черты. Он мог, например, соединиться с культом богини Манешвари, покровительницы предшествующей династии Личчхавов [Majumuria 1979–1980: 52].

Легенды, подкрепленные материалами хроники, дают основание предположить, что культ Таледжу скорее всего имеет индийское происхождение, хотя иногда его относят и к местным культам. В пользу его индийских истоков свидетельствует и то, что культ богини Тулдзы, многими чертами сходный с Таледжу, популярен в Махараштре, где даже есть город Тулдзапур с храмом, посвященным этой богине [Пертольд 1969: 93]. Возможно, похожая богиня или богини есть и в Южной Индии. Индийское происхождение культа подтверждают и местные средневековые источники, в первую очередь династийные хроники *вамшавали* [Deva 1984: 35; Steiner 1995: 264].

Так или иначе, начиная с Джаястхити Маллы, правившего с 1380 г. по 1395 г., все князья из династии Маллов считали себя потомками Наньядевы и именовали себя Карнатакавамша, «родом из Карнатаки» [Sarma 1977: 32]. В одной из легендарных версий Джаястхити Малла назван потомком Рамы. Он будто бы нашел легендарный ларец с янтрой Таледжу и посвященную ей священную книгу и стал действовать по указаниям богини, приходившей к нему во сне.

По мнению непальского историка Д.Р. Регми, имя Таледжу впервые упоминается в надписях правителей трех неварских княжеств, Бхактапура, Катманду и Лалитпура (Патана). В Бхактапуре тогда правил Вишва Малла (1547–1560), в Катманду — Пратап Малла (1641–1674), а в Лалитпуре — Сиддхианарасинха Малла (1620–1660) [Regmi 1952: 153]. В договоре 1621 г. между правителем Катманду Лакшминарасимхой и раджей Лалитпура

Сиддхинарасимхой Таледжу уже именуется семейным божеством обоих правителей [Празаускас 1974: 84–85].

Таким образом, есть веские основания предполагать, что культ богини Таледжу Бхавани, когда бы он ни появился в Непале, в средние века уже вполне прочно укоренился в Долине Катманду [Kirkpatrick 1811: 189–190]. Богиня увенчала пантеон существовавших там женских божеств. Ее стали почитать как главную шакти, родовое божество правивших династий, высшую духовную покровительницу государства. Вероятно, это произошло в тот период, когда в Долину из Северной Индии во множестве переселялись беженцы, спасаясь от мусульманских завоевателей; они-то и могли принести новые индуистские культы.

Сомнительно, что Харисинхадева или кто-то другой стал захватчиком местного княжества. Возможно, он просто воспользовался распрями среди князей из династии Маллов и стал правителем или соправителем Бхактапура. Во всяком случае, именно с его именем связывают строительство храма Таледжу в Бхактапуре (ее «жилища») и активное почитание богини. Этот храм считается самым древним храмом в Долине Катманду, построенным в честь Таледжу. Точное время его возведения неизвестно. Историки предполагают, что храм был построен в XVI в., а потом не раз перестраивался. Полагают также, что именно этот храм послужил прототипом для других храмов Таледжу, хотя сейчас в это трудно поверить. Скромный одноэтажный храм с двускатной крышей в Бхактапуре совсем не похож на красивые храмы — пагоды *тадевал* — в Катманду и Патане [Deva 1984: 133].

Самый величественный трехъярусный храм, посвященный Таледжу, находится в дворцовом комплексе Ханумандхока в Катманду (рис. 1). Возведенный в 1564 г., в правление короля Махендры Маллы, он поднимается на высоту 36 метров. Говорят, король потребовал, чтобы храм был виден из Бхактапура, где тогда находилась главная резиденция богини-покровительницы правящей династии. Короли из династии Маллов запрещали строить здания выше этого храма. Металлические знамена с изображениями солнца и луны, установленные у входа в храм, считаются знаменами Таледжу; они напоминают национальный флаг Непала. По преданию, в подземельях храма хранилась королевская казна и медные таблички с текстами договоров, которые правители из династии Маллов заключали с другими княжествами [Amatya 1998: 55–56].

Считается, что в *гарбхе*, потаенном подземном святилище, хранится янтра, главная святыня храма, символ богини. Как она выглядит — неизвестно. Некоторые исследователи полагают, что янтра Таледжу — это металлический сосуд *калаш*, на который нанесена сакральная диаграмма богини. Кстати, одно из имен Таледжу, Тула, как раз и обозначает металлический сосуд, служивший мерой зерна. Сосуд вполне мог олицетворять саму богиню. Это предположение подтверждается тем, что с древности сосуды символизировали изобилие и в повседневном обиходе, и в ритуалах, потому что они служили образом чрева, вместилищем пищи, главного подателя жизни. Чаще всего они ассоциировались с богинями-матерями, плодородием и другими природными феноменами, связанными с появлением новой жизни [Там же: 56–57].

С глубокой древности была известна в Индии и практика почитания теофорных сосудов; сохраняется она и сейчас. Олицетворение чтимых божеств в виде сосудов известно и в ортодоксальном индуизме, и при почитании так называемых «сельских божеств», стоящих вне классического индуистского пантеона. Сосуд может выступать полноценным заместителем божества в разных видах ритуальной домашней и храмовой практики. Примечательно, что чаще всего обожествленные сосуды встречаются на дравидском юге и Пенджабе и Синде, то есть в ареале существования древнейшей в регионе протоиндийской цивилизации [Whitehead 1921: 15–20]. Это обстоятельство побуждает предположить, что в Непале сохраняются древнейшие формы индуизма, соседствуя с более поздними наслоениями.

Отсутствие или неопределенность канонической иконографии Таледжу также получает объяснение только в легендарном материале. Невары вспоминают предание, в котором объясняется отсутствие изображений загадочной богини. Как-то раз один из правителей династии Шахов захотел узнать, хранится ли в храме Таледжу ее изображение, и тайком отправился туда. Он не имел права входить в святилище, потому что короли этой династии не проходили ритуал инициации *дикша*. Однако он все же пробрался в храм. Тут его заметил жрец — *кармачарья*, совершавший в это время пуджу. Жрец оказался в сложном положении: с одной стороны, нельзя было нарушить запрет и показать изображение богини или то, что его заменяло, а с другой сторо-

ны, нужно было не навлечь на себя гнев монарха. Жрец с честью вышел из этого положения и что-то показал правителю. Но что именно это было, так и осталось тайной. Правитель никогда не рассказывал о том, что он увидел, молчал и жрец. Согласно легенде, после этого непальские князья больше не пытались увидеть изображение Таледжу. Если верить другому преданию, то когда-то в старину в храме Таледжу в Катманду все-таки хранилось древнее изваяние богини, но в конце XVIII в. король Рана Бахадур Шах, обезумев от горя после смерти любимой жены, уничтожил его [Majumuria 1979–1980: 34–35].

Некоторые современные исследователи трактуют как «портрет» Таледжу ее изображение в центре *тораны*, верхней части портала южного входа в храме Катманду. Оно напоминает изображение богини на торане Золотых ворот в Бхактапуре [Fleming 1978: 85]. Но там пятиголовая богиня держит в своих десяти руках атрибуты Дурги, поэтому часть специалистов считает, что это и есть Дурга, которую иногда называют Деви, «богиня» [Levy 1990: 91] (рис. 2, 3). Вряд ли здесь можно заподозрить какую-то путаницу: по мнению многих специалистов, Таледжу в Непале воспринимается как одна из ипостасей Дурги-Кали [Праздаскас 1974: 84–85].

Неиндусам вход в храм Таледжу запрещен. Индусы же могут попасть в него один день в году, во время праздника Мохани. Это искаженная форма санскритского слова Маханавами, что значит «великий девятый день». Так называется праздник *Дасаин*, или Дурга-пуджа, который отмечают в светлую половину месяца *ашвин*, т.е. в конце сентября — начале октября, когда собран урожай риса. Праздник посвящен победе Дурги над демоном Махисшей, который досаждал богам и людям, но в основе праздника лежит древний земледельческий культ Матери-земли. Первые девять суток праздника именуется *наваратри*, «девять ночей»; каждый из них посвящен одной из девяти богинь-воплощений Дурги [Ледков 1999: 401].

Во всех трех главных городах Долины — Катманду, Бхактапуре и Патане — этот праздник имеет местные особенности, но его главные моменты непременно связаны с храмом Таледжу, ритуальным центром праздника, и с богиней, воплощавшей высшую власть над городом и страной в бытность Непала королевством, а это продолжалось 240 лет, с 1768 г. по 2008 г. Именно в эти дни

богиня символически очищала всю страну от накопившейся скверны, тогда же совершали церемонию *лоухабхисар* — освящение символов королевской власти: флага, зонта, веера, меча и арсенала [Levy 1990: 469–480].

На седьмой день праздника из храма Таледжу в Катманду выносили символы богини. Из Горкхи, родины династии Шахов, под руководством королевского брахмана привозили в Катманду священный сосуд калаш, олицетворявший богиню. Он был наполнен цветами, листьями, стеблями банана и сахарного тростника. Это были символические дары, «посылаемые» королю богиней Таледжу из дворца Горкха-дарбар. Августейшая чета «встречала» сосуд-калаш, и его помещали в специальный «дом дасаина» в королевском дворце Ханумандхока. Во время праздника устраивали тайные эзотерические пуджи, и государь как бы получал от богини магическую силу и благословение на управление страной. Проводили и народные массовые ритуалы [Anderson 1974: 143–145].

На следующий день, именуемый *каларатри*, в честь Дурги-Кали убивали множество буйволов. Центром жертвоприношений становился двор храма Таледжу. Животным отрубали головы одним ударом большого ножа *кхукри*. Чем больше прольется крови, тем удачнее жертвоприношение, поэтому удар старались нанести так, чтобы вырвавшаяся струя крови достигла верхнего яруса крыши храма Таледжу. По преданиям, в древности во время каларатри в жертву приносили и людей [Там же: 146].

В Бхактапуре каждый день праздника совершали торжественное шествие — *джатру* — к храму одной из девяти Дург, а завершали его у храма Таледжу. Ежедневно в храме читали отрывок из священной книги «Деви-махатмья», высевали ячмень как символ новой жизни и т.п. Жители города верили, что на девятый день праздника божественная энергия Таледжу переходила к девяти Дургам, защитницам города, и потому все старались принять участие в праздничных шествиях и обрядах, утверждая перед богиней свое ритуальное единство. Вечером десятого дня в главном дворе храма воспроизводили сцену появления Таледжу в Бхактапуре; главный брахман играл роль Харисинхадевы, который принес сюда культ Таледжу, о чем было сказано выше [Там же: 148–150].

В 2008 г. Непал перестал быть королевством, но храмы Таледжу по-прежнему украшают Катманду, Бхактапур и Патан; всего

в Долине Катманду насчитывается шесть храмов этой богини. Таледжу в любом случае остается со своим народом. Ее присутствие сохраняется в Долине Катманду и в ином виде: здесь верят, что богиня вселяется в Кумари, маленькую девочку, и почитают ее как живую богиню. Ее культ существует до сих пор, а ее образ растиражирован в стране, пожалуй, как никакой другой [Allen 1975].

Историю происхождения этого культа можно узнать из нескольких легенд. В одной из них говорится, что в прежние времена богиня Таледжу иногда принимала облик прекрасной земной женщины и посещала королей, которым она покровительствовала в божественном мире, наделяя их властью и могуществом. Богиня играла с ними в кости, беседовала, передавала тайные знания, предсказывала события. Однажды король, не в силах устоять перед очарованием Таледжу, попытался ее обнять. Оскорбленная богиня тут же скрылась. Ночью она явилась королю во сне и сказала, что больше никогда к нему не придет. Она велела отныне почитать как свое воплощение неварскую девочку из буддийской касты шакьев (есть и другие версии), или даже низкокастовую. Через нее Таледжу будет даровать мантру на владение властью, меч как символ этой власти и будет предсказывать судьбу династии и государства. Тогда же богиня предрекла королю близкий конец и гибель его государства [Nepali 1965: 364].

По другой легенде, некогда в Катманду жила девочка из касты баре, в которую вселился дух Таледжу. Король решил, что она притворяется, и приказал изгнать ее из города вместе с родителями, а имущество конфисковать. Сразу после этого у одной из жен короля случился припадок. Она объяснила, что в ее тело вселился дух богини. Напуганный король тут же распорядился вернуть девочку и приказал почитать ее как живую богиню Кумари. Специально для нее построили дворец и каждый год стали устраивать в ее честь праздники с шествиями — *джатра*, во время которых Кумари везли на колеснице. Ее сопровождали два мальчика; один из них представлял грозное божество Бхайрава, а другой — слоголового Ганешу [Anderson 1974: 133].

Появление этого праздника легенды теснее всего связывают с именем Джая Пракаша, последнего короля Катманду из династии Маллов, правившего в 1740–1760-х годах. В долине в этот период рядом с дворцовым комплексом Ханумандхока был воз-

веден дворец для Кумари; его строительство было завершено в 1757 г. (рис. 4). Видимо, культ Кумари тогда носил ярко выраженный политический характер и был связан с королевской властью, как и культ богини Таледжу Бхавани [Там же: 140].

К этому же времени относится и упоминание Кумари-джатры в исторических источниках. Кумари-джатра, шествия и другие церемонии, посвященные Кумари, стали составной частью сложного восьмидневного праздника Индра-джатра, который отмечают в месяце *бхадра* (август-сентябрь). Джатра Кумари устраивается в пик праздника — за три дня до новолуния. Некоторые непальские исследователи считают, что культ Кумари и Индра-джатра имеют гораздо более древнюю историю, но это трудно доказать. Шествия с Кумари до сих пор устраивают в Катманду, и не только во время праздников (рис. 5). Возможно, «живую богиню» Кумари издавна почитали как воплощение верховных индуистских богинь Кали и Дурги, а потом стали отождествлять ее с Таледжу. Можно предположить, что с помощью культа Кумари Джая Пракаш Малла надеялся укрепить свое пошатнувшееся положение в то время, когда росла угроза со стороны гуркхов [Иванов 2016].

С Кумари связана еще одна легенда, которую многие исследователи считают реальным и достоверным историческим фактом. В ней повествуется о том, как в 1768 г. гуркхи во главе с Притхви Нараяном Шахом после долгой осады ворвались в Катманду. В это время на улицах города как раз проходила Кумари-джатра и колесница Кумари приближалась к дворцу Ханумандхока. Из-за праздника войска потеряли бдительность и не смогли оказать захватчикам должного сопротивления. Джая Пракаш Малла, ожидавший Кумари во дворце, бежал в Патан. Все случилось так, как предсказала Таледжу, некогда явившаяся королю во сне [Anderson 1974: 137].

Победитель Притхви Нараян Шах великодушно велел продолжать праздник и сам возглавил торжественную процессию. Затем он сел на трон, оставленный Джая Пракашем, а Кумари поставила ему на лоб тикку, тем самым символически наделив властью нового правителя, основателя династии Шахов. Излишне говорить, что и сам Притхви Нараян Шах, и его наследники приложили все усилия, чтобы сохранить почитание Кумари. Она участвовала во всех церемониях государственного масштаба, а ее культ прочно

встроился в социальную практику и культурную жизнь Непала [Там же: 141].

В высоких полномочиях Кумари здесь не сомневаются. Когда Непал был королевством, живая богиня Кумари во время Индраджатры ставила на лоб короля красную тикку, тем самым благословляя его на правление страной в течение ближайшего года, символически возобновляя его власть. Король благодарил ее, подносил золотую монету и прикасался лбом к ее ногам. В течение всего года королевская чета навещала Кумари в ее дворце и советовалась с ней по разным вопросам. В 1955 г. во время Индраджатры Кумари посетил король Трибхуван вместе со своим сыном Махендрой. По ошибке девочка поставила тикку на лоб принца. Все восприняли это как плохое предзнаменование. В самом деле, через восемь месяцев король Трибхуван скончался, а Махендра занял его место. Сейчас Непал уже не королевство, и ритуальное место короля занял премьер-министр.

Кто же такая Кумари? Обычно пишут, что на эту роль выбирают девочку трех-пяти лет из буддийской касты, при этом учитывается генеалогия семьи. Предполагается, что ее тело должно иметь тридцать два признака божественного совершенства, но вряд ли их можно отыскать у ребенка. Важно, чтобы ее внешний вид не имел никаких изъянов, не было дефектов кожи и зубов. У нее на теле до этого ни разу не должна была выступить кровь. Будущую живую богиню испытывают на бесстрашие, оставив на ночь одну в комнате, уставленной изваяниями страшных чудовищ, и т.п. Претендентка должна продемонстрировать бесстрастное состояние, напоминающее транс. Учитывается и ее гороскоп; раньше его сверяли с королевским. Окончательный выбор делали королевский гуру и королевский астролог, а утверждали избранную Кумари жрецы Таледжу. Потом девочка проходила ритуал очищения, чтобы ее тело было готово вместить дух богини [Кооij 1978: 45–50].

Может быть, роль «живой богини» и престижна, но она скорее способна вызвать сострадание; девочка оказывалась фактически лишенной семьи и детства со всеми его радостями. Кумари должна соблюдать целый ряд ограничений: ее не лечат, она не ходит по голой земле, не пересекает реку и т.п. Когда она сидит на своем троне-мандале и воплощает богиню, то должна молчать и стараться соблюдать неподвижность. Примечательно, что в не-

которых ситуациях Кумари на троне может заменять сосуд-калаш, о котором говорилось выше.

Считается, что богиня вселяется в Кумари до тех пор, пока у девочки не начнутся менструации, не выпадет зуб или она заболит. Бывшая Кумари, соприкасавшаяся с божественной мощью, воспринимается как потенциально опасная. Вследствие этого считается, что справиться с ней может только сильный мужчина, а слабый просто умрет, поэтому лишь немногие мужчины рискуют взять такую женщину в жены.

Все сказанное относится к так называемой королевской Кумари, Радж Кумари Катманду. Ее фигура венчает древний институт Кумари разных уровней, от Кумари большой семьи и квартала до «живой богини» поселения и княжества. Этот сложный и многослойный культ с храмами, дворцами, ритуалами, запретами и легендами известен только в Непале. В Индии ничего подобного не сложилось или не сохранилось, хотя там проводят обряды почитания девочек семьи *кумари-пуджа*, в Бенгалии поклоняются богине Девы в образе девственницы, на юге есть храм Каньякумари, а в Кангре, в Панджабе — святилище Канья Девы. Кумари в индуизме — это юная девственница 10–13 лет, но не более 16, в отличие от Канья, которой 8–10 лет. Именем Кумари иногда называют также Девы, супругу Шивы, и супругу их сына Кумара [Amatya 1998: 62–70].

Известный в Непале предположительно с VI в., культ Кумари, вероятно, формировался у неваров в русле буддизма ваджраяны, который начал распространяться в долине Катманду примерно с V в. и достиг расцвета в XII–XIV веках, впитав в себя к этому времени местные верования и ритуалы. Вероятно, именно по этой причине кандидатки на роль Кумари всегда избираются из каст, считающих себя буддийскими. В становлении культа сыграл свою роль и индуистский тантризм, по своей сути близкий буддийскому тантризму. Если раньше, возможно, и было соперничество религий, то со временем оно превратилось в органичный синтез [Nepali 1965: 30–45].

Видимо, в разных городах Долины Катманду культ живой богини Кумари утверждался в разные периоды. В Патане этот культ известен с XIII в., когда он был самостоятельным городом-государством под властью Маллов. В XVI в. стали строить храмы Кумари, а к середине XVIII в. появились королевские Кумари

и в других местах страны. Символически возобновляя власть над долиной, «живая богиня» была тесно связана с правящей династией, с богиней Таледжу как родовым божеством королей и с группой восьми матерей Аштаматрика, которые традиционно создавали сакральную топографию Долины Катманду. Вероятно, тогда иерархический культ Кумари разных уровней был связан с определенными территориями и группами местного населения, прежде всего неваров [Там же: 48].

Сейчас прежняя цельность культа размыта, его можно только гипотетично восстановить в самом общем виде по нескольким сохранившимся осколкам. Один из таких осколков — Кигали Кумари в Катманду. Ее избирают раз в год из земледельческой касты джьяпу, а ее культ ограничен границами всего лишь одного квартала, и представители высших жреческих каст в нем не принимают участия. Выбирают таких «низовых» Кумари по-разному: по жребью, гороскопу, знаку (например, по появлению в доме змеи), по итогам испытания, которому подвергают претенденток, и т.п. Кумари квартала отнюдь не маленькая девочка, а взрослая женщина.

Местные жители считают, что чем более зрелая женщина окажется в роли Кумари, тем полнее она реализует свои божественные способности. Воплощая в себе богиню, она присутствует на основных церемониях всего годового цикла. Видимо, в прежние времена в долине существовали подобные Кумари разного масштаба. Все они были территориально распределены в сакральном пространстве государства. Чаще всего разделяющей границей служила река, тем более что Кумари вообще запрещалось переправляться через реку. Большинству из них не разрешалась встречаться с другими Кумари [Иванов 2016].

С культом Кумари, как и с культом Таледжу, еще остается связано много нерешенных проблем и вопросов без ответов. Почему Кумари, как и Таледжу, «снисходящая» в нее, так тесно связаны с верховной властью и способны наделять ею правителей Непала? Почему это считается женским делом? По всей вероятности, в Непале оказались стойкими архаические представления о нерасторжимой связи женского начала и верховной власти. Пережитки подобных представлений долго сохранялись и в Европе, получив выражение в парадоксальном французском высказывании «Король — дитя королевы!»

Можно вспомнить для примера ирландские предания о сыновьях короля Эохайда Мугмедона. Юноши должны были пройти испытания, чтобы выяснить, кто же из них станет королем. Им стал царевич Ниал, который в отличие от своих братьев не побоялся поцеловать старую каргу омерзительного вида и возлечь с ней рядом. Она сторожила колодец и разрешала набрать воды лишь тому, кто ее поцелует. После поцелуя царевич увидел перед собой девушку, прекраснее которой не было на свете. На вопрос, кто же она такая, девушка ответила: «Я — королевская власть!» [O’Rahilly 1946: 48–50].

Подобный сюжетный мотив в фольклоре встречается нередко: герой в лесу, у водного источника, наталкивается на старуху, владеющую тайной. Эта тайна раскрывается после того, как герой уступает любовным притязаниям старухи. На ложе любви она превращается в юную и прекрасную супругу, которая дает герою царство или учит, как его получить. Таким образом, женщина, сама по себе воплощающая власть, наделяет ею мужчину. Овладение женщиной и овладение властью над царством выглядят как взаимосвязанные события [Мисюгин 1980: 38–40].

Подобные представления уходят корнями в глубокие слои нашей культуры, связанные с архаическими структурами власти. В древности и позже, в традиционных обществах, к числу которых до недавнего времени относился и Непал, царственность, как и власть вообще, понималась как нечто вещественное, что можно было получить, добыть или потерять. За царственностью отправлялись в поход или обретали ее иным способом. Власть вождя или царя в таких обществах в большей степени определялась его сакральностью, нежели политическим умением или административными талантами [Гиренко 2004].

Роль правителя, который должен был магически обеспечивать благополучие коллектива, влиять на силы плодородия и отвечать за военную мощь, обосновывалась мифологическими идеями. В древней Индии, в индуизме институт царской власти был связан с мифологией Индры, который получал власть от богини Шри. Богиня как воплощение власти оставалась вечно юной, переходя вместе с царством от одного Индры-правителя к другому. Подобный священный царский брак получал обоснование в мифологической космогонии, в основе которой лежало представление о союзе мужского и женского начал, необходимым для гар-

монии мира. Небо как мужчина-отец и земля как богиня-мать порождали все предметы и явления видимого мира. Символический священный брак, воспроизводивший акт творения мира, совершался при возведении на трон правителя у многих древних земледельческих народов [Gonda 1969: 45–46]. В терминах супружеской связи нередко описывались и отношения правителя с подвластной ему территорией [Hara 1973: 97–110].

Реальность, стоящая за «женским лицом» идеи верховной власти, обнаруживается в еще более ранних архаических обществах с их половозрастной социальной системой. В таких обществах ритуал избрания вождя был совмещен с брачным ритуалом, причем в сан вождя мужчину вводила его супруга [Мисюгин 2009: 328–340]. Ключевая роль женщины в таких ритуалах была обусловлена тем, что она считалась средоточием особой энергии, причастной к благу и процветанию человеческого коллектива и ответственной за них. Эта тема имела и биологический, и социальный, и религиозный, и магико-онтологический смыслы, которые складывались в целостный комплекс традиционных представлений о верховной власти. Отзвуки подобных древних представлений о власти и способности женщины наделять ею правителя могли сохраниться в непальском культе Таледжу и связанной с ней живой богиней Кумари. Индуизм и буддизм ваджраяны идеологически обосновали и оформили эти представления, а королевская власть Непала вписала их в политическую структуру своего государства.

Выражение благодарности. Автор выражает глубокую признательность Н.И. Неупокоевой за любезное разрешение использовать фотографии из ее личного архива в качестве иллюстраций к настоящей статье.

Библиография

- Гуренко Н.М.* Социология племени. Становление социологической теории 2 и основные компоненты социальной динамики. СПб.: Carillon, 2004.
- Иванов Б.А.* Культ Кумари в Непале // URL: <http://www.nepal-nepal.ru/stati/kumari.php> (Дата обращения: 15.01.2016)
- Ледков А.А.* Таледжу // Древо индуизма. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН». 1999.

- Ледков А.А., Лунев С.И. (), История Непала. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2011.*
- Мисюгин В.М. «Правило ндугу» и следы социально-возрастного деления у некоторых европейских народов раннего средневековья // Африканский этнографический сборник. Л.: Наука, 1980. Т. 12. С. 38–48.*
- Мисюгин В.М. Три брата. СПб.: Наука, 2009.*
- Пертольд О. Культ богинь // Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. М.: Наука, 1969.*
- Празаускас А.А. (1974), Индуистский пантеон в Непале // Непал: история, этнография, экономика. М.: Наука, 1974. С. 77–88.*
- Allen M.R. The Cult of Kumary: Virgin Worship in Nepal. Katmandu: South Asia Books, 1975.*
- Amatya G.M. Religious life in Nepal. Part III. Katmandu: Amatya Publishers, 1998.*
- Anderson M.M. The Festivals of Nepal. L.: Georg Allen & Unwin Ltd., 1974.*
- Deva K. Images of Nepal. New Delhi: Archeological Survey of India, 1984.*
- Fleming R. & L. Katmandu Valley. Tokyo; New York: Kodansha International, 1978.*
- Gonda J. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden: E.J. Brill, 1969.*
- Hara M. The king as a Husband of the Earth (mahi-pati) // Asiatische Studien. 1973. Bd. 27. № 2. P. 97–114.*
- History of the Kings of Nepal. A Buddhist Chronicle, Maps and Historical Illustrations / Ed. by N. Gutschov. Lalitpur: Social Science Baha, Himal Dooks, 2015.*
- Kirkpatrick W. (1811), An Account of the Kingdom of Nepaul, being the Substance of Observations Made During a Mission to that Country, in the Year 1793. L.: W. Miller, 1811.*
- Kooij K.R. Religion in Nepal. Leiden: Brill Academic Publishers, 1978.*
- Levy R.I. Mesocosm. Hinduism and the Organization of a Traditional Newar City in Nepal. Berkeley: University of California Press, 1990.*
- Majupuria T.C. Glimpses of Nepal. Kathmandu: Kantipath, 1979–1980.*
- Nepali G.S. The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community. Bombay: United Asia Publications, 1965.*
- O’Rahilly T.F. Early Irish History and Mythology. Dublin: Institute for Advanced Studies., 1946.*
- Regmi D.R. Ancient Medieval Nepal. Kathmandu: Kantipath, 1952.*
- Regmi D.R. Ancient Nepal. Calcutta: Firma K.L., Mukhopadhyay, 1960.*

Sarma R. Party Politics in a Himalayan State. New Delhi: Surjeet Publications, 1977.

Steiner F. Die Bhavani von Tuljapur. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995.

Whitehead H. The Village Gods of South India. London: Oxford University Press, 1921.

Wright D. History of Nepal. L.: Oxford University Press, 1977.

Рис. 1. Храм Таледжу на дворцовой площади (Дарбар) Катманду.

Рис. 2. Золотые ворота, главный вход в королевский дворец в Бхактапуре.

Рис. 3. Торана с фигурой богини Таледжу на Золотых воротах в Бхактапуре.

Рис. 4. Дворец Кумари на дворцовой площади (Дарбар) Катманду.

Рис. 5. Процессия с живой богиней Кумари в Катманду.